

Д.П. Ознобишин – переводчик

Творчество Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877) продолжалось более полувека: с 1820 года, когда в альманахе “Калиона” появилось его стихотворение “Трубадур” (перевод с французского), до семидесятых годов. Своевременно откликаясь на смену литературных вкусов, он все же оставался в сознании читателей поэтом пушкинского времени. Именно тогда, в 20-30-е годы, сложилась его стихотворная техника, тогда он стяжал наибольшую известность. “На личности поэта лежит явственный отпечаток “золотого века русской литературы, блестящего окружения, в котором проходила его молодость”.

Становление Ознобишина-переводчика произошло в период учебы в университетском благородном пансионе. “Ознобишин постоянно был одним из первых учеников пансиона и обратил на себя внимание преподавателей М.Т. Каченовского, И.И. Давыдова, А.Ф. Мерзлякова, при содействии которых были опубликованы его стихотворения “Старец” и “Послание к Т...у”.

21 августа 1824 г. Дмитрий Петрович поступил на службу в Московский почтамт, где под руководством известного лингвиста И.А. Рутковского осуществлял цензуру французских периодических изданий. Его окружали талантливые литераторы: С. Одоевский, М. Погодин, С. Шевырев, В. Андросов и другие.

В середине 20-х годов поэт сближался с “любомудрами” (Д. Веневитинов, братья Киреевские, А. Кошелев). “Архивные юноши”, как известно, отличались высоким уровнем образованности и культуры, однако Ознобишин даже среди них выделялся осведомленностью в иностранных литературах, в том числе, что было уже совсем большой редкостью, в литературах восточных. Он находился в дружеских отношениях с М. Погодиным, Анд. Муравьевым, В.И. Оболенским, Ф.Н. Глинкой.

С.Е. Раич внимательно следил за увлечением юноши ориенталистикой; в восточных литературах он видел “неисчерпаемый запас новых поэтических выражений, оборотов, слов, картин”.

С сер. 20-х годов Ознобишин изучает арабский и фарси под руководством ученого муллы и слушает лекции арабиста профессора А.В. Болдырева в Московском университете. Ориентализм на длительное время занимает его внимание: он переводит с персидского, пишет “восточные повести”, обширные статьи-экскурсы о поэзии народов Востока. Многие публикации подписаны псевдонимом.

Свои суждения о переводе с восточных языков он излагает в обширной статье, написанной по поводу книги “Красавица замка, или Повесть о Русской царевне” профессора-ориенталиста Ф. Эрзмана. Вместе с высокой оценкой издания Ознобишин высказывает замечания и пишет о трудностях художественного перевода восточной литературы на европейские языки: “Дух ориентализма, яркий и фантастический... едва ли даже может быть перенесен в тесную рамку европейских понятий. Самобытность его исчезнет под нашею образованностью, вылощенною политурою вкуса...”.

Помимо древних языков, поэт овладевает современными: французским, немецким, английским, итальянским, шведским, позднее - арабским и персидским. Известны его переводы с испанского, польского, сербского, эстонского, литовского, чувашского. Он становится известен как переводчик Хафиза, Низами, Саади, Парни, Ламартина, Гейне, Мура, Байрона, Шекспира, А. Шенье, Шамиссо, Ю. Кернера, Р. Рюккерта, Мицкевича, Данте и других авторов.

Интерес поэта-полиглота к другим народам и культурам, к новым местам и людям находит выражение в его неутолимой страсти к путешествиям. То и дело под разными предлогами пускается Ознобишин в ближние и дальние поездки. Он буквально колесит по всей России, в том числе, по родному Поволжью. Сосед Ознобишина по симбирскому имению, известный поэт Н.М. Языков, удивляясь беспокойной жизни друга, предостерегает его от дорожных излишеств, по его мнению, мало подходящих для служителя муз, советует подольше задерживаться дома и почаще держать в руках свою “золотую лиру”.

Наиболее плодотворным периодом творчества Ознобишина специалисты справедливо считают период

конца 20-х начала 30-х годов, когда по художественному уровню его оригинальные лирические сочинения приравнялись к блистательным поэтическим образцам пушкинской поры. Публикации в лучших периодических изданиях и альманахах (“Северные цветы”, “Невский альманах”, “Альбом северных муз”, “Эвтерпа”, “Роза граций”, “Уrania”) позволяют соотносить его эстетические взгляды с задачами “школы гармонической точности” – эпицентром русского романтизма. Вместе с С.Е. Раичем Ознобишин проявил незаурядные способности как составитель альманаха “Северная лира на 1827 год”, явившегося своеобразным итогом творческих поисков московских литераторов. Его имя, уже обратившее на себя внимание ценителей изящной словесности, становится особенно известным после выхода в свет двух миниатюрных книг – “Селам, или Язык цветов” (1830) и “Гинекион” (1830).

Подлинный расцвет переводческого мастерства Ознобишина приходится на начало 30-х годов, когда он обращается к лирике таких известных европейских поэтов как Байрон, Гюго, Беранже, Гейне. Позднее его интересуют Булвер-Литтон, Тегнер. Особой оценки заслуживает опубликованный в “Молве” фрагмент из романа Байрона “Дон Жуан”. А перевод с испанского “Альгама” расценен как бесспорная переводческая удача: Ознобишин “должен войти в историю нашей испанистики как первый переводчик, нащупавший путь к функционально верному воспроизведению романа. Более того, ему даже удалось сохранить моноритм в четных строках – а этого редко добиваются и современные переводчики “Романсеро”.

На протяжении всей жизни переводчик обращался в поэзии Томаса Мура. Помимо отдельных переводов из цикла “Ирландские мелодии”, им сделаны переводы из “Лала Рук”.

Обратившись к балладной лирике, поэт оставил неизгладимый след в романтической поэзии. Старинная шотландская баллада "The Twa Corbies" у нас хорошо известна в основном по пушкинскому вольному переложению "Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит...". Создавая балладу, Пушкин искусно ввел в текст мотивы и образы русского фольклора. Став фактом русской культуры, пушкинское переложение со временем обрело собственную значимость со временем и (через музыкальные переложения) нередко воспринимается безотносительно оригинала.

С виртуозностью Пушкина, казалось бы, не имело смысла соперничать, однако выяснилось, что художественный потенциал баллады не был исчерпан. В 1830 году на страницах московского журнала "Галатея" появилось стихотворение "Вороны" с подзаголовком — "(с английского)":

*Ворон, плавая кругами
Над крутыми берегами,
Каркнул ворону во след:
Где сегодня наш обед?
Там, над Твидом глубокой,
Под зеленою осокой
Добрый молодец лежит,
Кровь из ран его бежит.
Кем убит и для чего,
Не узнаешь от него:
Знают ястреб, конь, борзая,
Знает дева молодая..*

Перевод Ознобишина ближе к английскому первоисточнику, текст увеличен до шести строф, сохранено название реки. До 1829 года вышло двенадцать англоязычных изданий баллады, и каким из них мог пользоваться Ознобишин, сказать затруднительно. Если перевод был нацелен на то, чтобы показать, насколько пушкинское переложение далеко от оригинала, становится понятной анонимность публикации.

Перевод Ознобишина отличает строгое следование букве оригинала. Так, в пятой строфе он не избегает описания возможной сцены расправы над умершим, но делает это весьма тактично. Последняя строфа оставляет впечатление некоторой недосказанности; то ли продолжается разговор воронов, то ли нам представлено мнение лирического наблюдателя.

Судьба того или иного произведения, литературного или фольклорного, порой складывается причудливо. Только сила неумолимых фактов заставляет поверить в то, что трудно было даже предположить.

Балладная песня о гибели невесты в день свадьбы — "По Дону гуляет казак молодой" — стала истинно на-

родной, и утверждение, будто это перевод, по-прежнему вызывает сомнения и недоверие у людей, не связанных с наукой о литературе.

В народном репертуаре песня "По Дону гуляет" появилась во второй половине XIX века. Особенности ее стили наводили на мысль, что песня имеет литературное происхождение. Фольклористами высказывались различные предположения о природе этой баллады. В самом сюжете просматривался некий литературный источник, случайно попавший в народную песенную культуру. Разного рода догадки длительное время оставались бездоказательными. Сходные сюжеты построения женихом моста для девушки находили в сербском, болгарском, латышском, верхнелужицком фольклоре. Однако ближе всего к русской песне оказались немецкие и датские варианты, где невеста заранее знает о своей гибели в реке, а жених утешает ее, обещая построить мост. Это оставляло надежду обнаружить искомый текст.

Знание поэтических переводов подтвердило версию о литературном происхождении баллады. Оказалось, что стихотворение Ознобишина "Чудная бандура" (1835) слишком похоже на известную песню. Происхождение текста по-прежнему связывали с народными балладами.

В начале 1980-х годов специалисты вернулись к предположению о переводном характере русской версии, ставшей песней, однако поиски варианта среди немецких песен не дали никакого результата.

Исследовательница Н.П. Копанева обратила внимание на стихотворения, перед которыми были написаны строчки на шведском языке. Как известно, Ознобишин читал на шведском и даже перевел несколько "шведских песен" ("Исповедь", "Две сестры", "Битва в дубраве", "Злой брат"). Работа над переводами велась поэтом в апреле 1835 года, тогда же была написана и "Чудная бандура". Оставалось выяснить, откуда мог взять Ознобишин шведские тексты. Русским скандинавистам первой половины XIX века хорошо был известен сборник Гейера и Афцелиуса, где в первом томе содержалось три варианта баллады "Harpans Kraft" ("Сила арфы"), из которых один отличался хорошо развитым сюжетом. Подстрочные переводы всех трех вариантов показали, что "Чудная бандура" Ознобишина — талантливый перевод первого варианта, "перевод поэта, прекрасно понимающего и знающего-

го свой национальный фольклор".

Вслед за Батюшковым и молодым Пушкиным Ознобишин пробует свои силы в переводах Парни. Александр Бестужев писал П.А. Вяземскому 5 апреля 1823 года: "Еще пощупайте молодого стихотворца, едва ли у Вас известного, — это Ознобишин. У меня есть две его прелегие штучки из Парни. Внимание Ваше ободрит его, да и мы уверимся, можно ли от него чего-нибудь дожидаться".

Как и многие литераторы начала 1820-х годов, следуя литературной моде, Ознобишин обращается к французским элегикам (Парни, Ламартину, Шенье), в определенном смысле соперничая с Николаем Марквичем, довольно плодовитым переводчиком пушкинской поры. Переводы с французского появляются в лучших альманахах того времени. Некоторые тексты, созданные в тот период, испытывали проверку временем и вполне пригодны для современных антологий. Отличительная особенность переводческой манеры Ознобишина в том, что он неотступно следует за переводимым автором, не принося ничего такого, что могло бы исказить оригинал. Если переводы упомянутых элегиков были представлены широкому читателю, то о переводах Ознобишина из Виктора Гюго и Пьера-Жана Беранже известно гораздо меньше.

В известных монографиях о русском восприятии французского песенника и остролова Беранже имя Ознобишина упоминается вскользь, главным образом в связи с переводом "Воспоминания народа", вполне точно передающим оригинал "Les souvenirs du peuple". Между тем Ознобишин обращался в Беранже неоднократно, подчеркивая свое восхищение перед этим французским сатириком, источающим неповторимую эретику романтической иронии. Яркое тому свидетельство — стихотворение "Доктор и больной", затерявшееся на страницах журнала "Молва". Заслуживает внимания и перевод стихотворения "Маркиз". Остается неясным, почему вполне удачные переводы Ознобишина не были включены в отдельное издание "Беранже в переводе русских авторов".

Малоизученными до сих пор остаются темы: "Ознобишин — переводчик Гейне", "Ознобишин и Лермонтов", "Пушкинские мотивы в лирике Ознобишина" и другие.

Александр Гириченко

(отрывки из научного доклада на Первых ознобишинских чтениях)